

Во всем, что вы делаете,
должен присутствовать Апокалипсис,
чтобы, когда он настанет, у него
к вам не было вопросов

Татьяна
Замировская

СВЕЧИ АПОКАЛИПСИСА

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
З-26

Дизайн Елизаветы Корсаковой

В оформлении переплета использована иллюстрация
Надзее Макеевой

Издательство благодарит литературное агентство
«Banke, Goumen & Smirnova» за содействие
в приобретении прав

Замировская, Татьяна Михайловна.

З-26 Свечи Апокалипсиса / Татьяна Замировская. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шуби-
ной, 2025. — 508, [4] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-174176-1

«Свечи Апокалипсиса» — новая книга Татьяны Замиров-
ской, писательницы и журналистки, автора романа «Смерти.
пей», сборников «Земля случайных чисел», «Воробьиная река»
и «Жизнь без шума и боли».

Писательница из Беларуси живет в Нью-Йорке и продает
самые дорогие в мире свечи в лакшери-бутике. Текст — о том,
как она не может никому помочь и никто никому не может
помочь.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Замировская Т., текст
© Макеева Н., иллюстрация
© Корсакова Е., оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-174176-1

EVERYBODY IS ALIVE IN NEW YORK

Все писатели хотят работать писателями. Художники хотят работать художниками. Творческий человек на нетворческой работе — это катастрофа. А в эмиграции с таким сталкиваются многие: не всегда получается сразу найти работу по специальности.

Конечно, я обобщаю. И, конечно, иронизирую. После того как я уехала в Нью-Йорк, прожив в Беларуси долгую и, как теперь запоздало понимаю, счастливую жизнь музыкального критика, журналиста и писателя с парой изданных сборников, многие экс-коллеги недоверчиво спрашивали: «Ты что, уехала и бросила всё, чтобы продавать свечи?»

О да, именно поэтому я и уехала! Чтобы продавать самые дорогие свечи во Вселенной в райончике Nolita (что значит «К северу от Маленькой Италии» — North of Little Italy), каждый день отвечать на вопрос «Какие из них длиннее?» и писать об этом веселый блог!

На самом деле всё, конечно, было иначе. Да и веселый блог я писала не от лица автора, а от имени персонажа, которого отыгрывала на нетворческой работе, благодаря этому превратившейся в творческую: персонажа, который почти не выдает эмоций и просто документирует разговоры с посетителями.

(К любому условно веселому тексту необходимо скучное предупреждение, чтобы до веселого текста дошли только по-настоящему многогранные люди!)

«Творческие работы дают на выходе самые нетворческие тексты, — сказал мне недавно знакомый нью-йоркский поэт из Киева Александр Гальпер, работающий в центре, который распределяет бездомных по ночлежкам. — Все книги сейчас — про кампусы университетов! Потому что все писатели преподают! Обычно как бывает: писатель выпускает хорошую книгу, основанную на опыте нетворческой работы; потом его зовут работать писателем в университете — и все, человек отрывается от жизни. И пишет книги про кампусы. Ты разве не замечала: вся эта новая литература от знаменитых профессиональных писателей — она про профессоров! Это невозможно скучно! Никто не пишет про реальную жизнь!»

Моя реальная жизнь в Нью-Йорке началась довольно сурово. Я училась в арт-магистратуре Бард-колледжа, писала журналистские и рекламные тексты — но на жизнь этого не хватало. Нью-Йорк обычно ставит вопрос так: крутись как хочешь, но тебе нужна настоящая работа в Городе.

Я искала эту работу несколько месяцев и, поскольку была в отчаянии и излучала энергию катастрофы, не находила. Меня даже не взяли писать новости в одно рижское медиа — то есть как не взяли, просто не ответили на письмо, такой унылой безысходностью от меня веяло.

Работа нашлась благодаря концерту белорусской рок-легенды Лявона Вольского в одном из клубов Вильямсбурга. Помню, я каждому встречному-поперечному говорила:

— Привет, я Татьяна, я ищу работу, вообще любую!

Если я встречала знакомого, на светский вопрос «как дела» я неожиданно отвечала:

— Дела плохо, ищу работу! У тебя нет, случаем, любой работы?

На следующее утро мне позвонила знакомая, которую я встретила на концерте, и сказала:

— Моя подруга работает в бутике женского белья и говорит, что в соседнем свечном бутике завтра срочно нужен

человек завязывать бантики. Можешь приехать? Я тебе сейчас дам телефон Селин, поговори с ней. Или ты не очень любишь вязать бантики?

— Обожаю вязать бантики, — искренне сказала я и тут же позвонила Селин.

— Там не только бантики, там еще надо упаковывать коробочки, — моментально ответила Селин. — Нет времени объяснять. Ты можешь приехать и вязать бантики и упаковывать коробочки? А продавать умеешь?

— Я пришло резюме, — сказала я. — Но там такая журналистская карьера. Ну, так вышло. Я учусь в арт-школе.

— Не надо резюме, — сказала Селин. — Просто приезжай прямо сейчас, и разберемся. Мне кто-то нужен прямо сейчас. Ты приедешь? Если нет, я еще кому-нибудь позволю, мне надо срочно.

Это было похоже на инициацию. Я вышла из дома. В Нью-Йорке за ночь напало немислимое количество снега, который укрыл все мои переживания. Я как будто ничего не чувствовала. Я подумала: что ж, поеду вязать бантики. Сегодня — первый день моей первой работы в Нью-Йорке.

Я вязала бантики дрожащими пальцами, Селин спрашивала меня о Беларуси и городе Борисове, где наполеоновская армия ушла в толщи серебристых вод Березины, сугробы за окном звенели и молниеносно, как жизнь, таяли, слепя бликами; какие-то люди в шубах рассматривали меня чужими глазами и громко повторяли:

— «ДРЕВНИЕ МШИСТЫЕ СТЕНЫ»? ЭТО КАК?

— Сама не понимаю как, — искренне отвечала я.

В свечном бутике я работала два дня в неделю — а потом вышло так, что я ввязалась в это дело фулл-тайм. Чтобы не сойти с ума, я завела блог на русском языке, куда в режиме репортажа, без рефлексий, записывала интеракции с самыми безумными покупателями. Вот только безумными, кажется, были все. Или, может, я тоже так же себя веду в магазинах?

Параллельно я писала роман «Смерти.net», у меня вышел сборник рассказов, я подрабатывала журналистом, — но в свечном блоге я намеренно не раскрывала свою писательскую идентичность и даже имя. Анонимный блог писательницы из Беларуси, которая вынуждена продавать людям дорогие французские свечи, оказался для меня терапевтичным. Более того — он мигом набрал больше 10 тысяч читателей! Терапевтичным, похоже, он оказался для многих.

Вот он, ключ к терапевтичности — ничего не рефлексуйте. Вы потом поймете, что это было и что вы тогда чувствовали. Просто записывайте всё, как есть.

И еще: не бойтесь стать персонажем. Если вы персонаж, с вами случается все, что обычно происходит с персонажами. Буквально как у Владимира Проппа в «Морфологии волшебной сказки»: у вас возникает Арка Персонажа, являются волшебные помощники — звери и птицы. Вам сразу начинает везти! Вокруг вас творятся удивительные события!

А еще персонаж хорош тем, что он неминуемо развивается и проходит через трансформацию — таков закон жанра. Мой персонаж тоже развивался — например, сначала он вообще не упоминал расу посетителей; потом стал упоминать, но не всегда и не белых; а потом стал упоминать не всегда, но часто белых. Потому что какие дикие вещи, оказывается, порой делают белые люди!

Этот персонаж пережил распад русского языка и, вероятно, был от этого в восторге: можно перевести навязчивое «Does it come with a box?» по всем правилам («Коробочка в комплект входит?», «Свеча продается с коробочкой?»), но оказалось, что перевод «Свеча идет с коробкой?» в разы смешнее и точнее. Я даже стала понимать нью-йоркского хрупкого Лимонова и в честь него придумывать бойкий новояз — вроде шикарного слова «инджоить», которое я случайно услышала однажды на пресловутом Брайтоне. «Славик, ты должен уметь инджоить деньги, — наставлял

один мужик другого. — Если их не инджоить, они к тебе и не придут».

Когда меняется человек, меняется и его речь: слово «бомж» заменяется словом «бездомный»; подтрунивание над местными итальянскими старичками превращается в слезы по жертвам коронавируса, бесконечный повтор вопроса «Какие из этих свечей длиннее?» из раздражающего лейтмотива вдруг становится сиянием ностальгии в новой, пост-2020, реальности, в которой так хотелось бы продолжать ежедневно общаться с людьми, чья жизнь стала невыносимой из-за того, что их свечи оказались не того цвета, а не из-за того, что они стали беженцами или их родных арестовали. Проблемы персонажа менялись вместе со временем — благословенным летом 2019-го я закатывала глаза, не в силах объяснить покупателям, какие свечи короче, а летом 2020-го, когда меня спрашивали, какой страны у меня такой очаровательный акцент, я старалась не разрыдаться прямо за прилавком.

(«Belarus! How nice!»)

(«Do you think it's nice?!»)

В этих заметках я не пыталась выглядеть лучше, чем есть (подозреваю, этим они и ценны: все люди слабые и странные, и это нормально, и я одна из них!), но все-таки в итоге благодаря этой работе я стала немного лучше: заметна эволюция! Но я ли это была? Сложно сказать: вряд ли получившийся текст — автофикшн, потому что автор в нем не равен себе. Скорее, это была вспомогательная идентичность — разработанный специально для этой странной ситуации персонаж, который помогает автору оставаться писателем (и дописать роман, над которым я работала параллельно с этими веселыми заметками; впрочем, ближе к финалу они становятся довольно трагикомичными). В итоге я все же стала литературным героем — именно так я ощущала себя в финале текста, который подчинил себе реальность. И, возможно, духом места. Моя любовь к Нью-Йорку и породила этого персонажа: на по-

добной работе первое время вы испуганный интроверт в панике, а потом дух места вами завладевает и начинается своего рода единение с пространством. Я стала настоящим ньюйоркцем именно там, на улице Елизаветинской — превратившись в один из атомов города, фрагмент его коллективной души.

Выходить из моего персонажа было, прямо скажу, тяжело — интересно, так ли себя ощущают актеры культовых сериалов на последних сериях финального сезона? Моя последняя серия была душераздирающая. Но распрощаться с персонажем было необходимо.

Уже потом я поняла, что в этих заметках комичного: это была тщательно задокументированная летопись человеческой беспомощности, являющейся ключом к пониманию нас, людей, как биологического вида. Писательница, без малейшего опыта в лакшери-ритейле, вынуждена в одиночку управлять бутиком элитной, как любят говорить русскоязычные рекламисты, парфюмерии высшего класса (при этом *struggling artist*, работающий в сервисе, — обычная городская история). Она ощущает себя таким импостором — человеком, который притворяется менеджером бутика. Но со временем понимает, что все вокруг — инфлюенсеры, модели, инвесторы, бизнес-ангелы, директора музеев, клерки с Уолл-стрит, голливудские актрисы, богатые пожилые леди — на самом деле тоже притворяются и отыгрывают себя как персонажей. А так — все мы одинаковые. Никто никому не может помочь. Никто никого толком не понимает. Как там у Киры Муратовой было: «Люди — они же слабые, бедные, незащитные». Что с нами делать? Всех жалко. Все хорошие. Нью-Йорк живой и добрый. Все умрут. «Вряд ли это будет длиться долго», — написала я в описании блога, и была права; такие вещи не длятся долго.

Но зато теперь это книга.

Конечно, она художественная. Она не претендует на объективность — разумеется, тут причудливая авторская

оптика. Это наверняка не история про тонкости работы в лакшери-ритейле. Все совпадения следует считать случайными, всех персонажей следует считать придуманными либо творчески приукрашенными. Это не автофикшн, потому что я не писала о себе; пожалуй, обо мне там вообще ничего нет. Это, скорее, док-фикшн или даже постдок-фикшн (отличная формулировка!). Все, что нам остается после документа, — его следы и контуры. Мой персонаж — двухмерная бумажная фигурка, как вырезка-«вытинанка», трепещущая на ветру. Его давно нет, да и бутика там, честно говоря, уже нет. Но вот они, очертания документа-призрака — мы все живы на гугл-картах вечногo 2019-го: бесконечное нью-йоркское лето, тридцатиградусная жара, на асфальте дробятся и пляшут сотни мелких солнц от сетчатых липовых листьев, дедушка Мо сидит в плетеном кресле у красно-чугунных витрин своей мясной лавки рядом с любимой внучкой Дженнифер, а его многочисленные итальянские правнуки, галдя и переругиваясь на всех возможных и невозможных языках, катаются вокруг на гремучих скейтбордах и детской колясочке самой крошечной из них, родившейся последним предапокалиптическим летом; и все живые и счастливые в этом моменте, и никто никогда не умрет. И я тоже там, среди них. Пожалуйста, не обновляйте. Пусть этот летний день длится вечно.

ВЕСНА 2019

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НЮХАЙТЕ НАПОЛЕОНА

Вышла на обед, повесила на дверь бутика табличку: «Вернусь в 1:50». Возвращаюсь в 1:45, иду довольно неторопливо, со стаканчиком матча-латте. Наблюдою, как компания из четырех туристов рассматривает табличку, после чего они по очереди наваливаются на дверь, видимо, ожидая, что она поддастся. Дверь не поддается. Заглядывают внутрь. Снова смотрят на табличку. Дергают ручку двери — один раз, два, три. Я подхожу, стою рядом с ними, смотрю, потому что мне интересно, как это работает. Одна девочка особенно мощно наваливается на дверь. Дверь продолжает быть закрытой.

Я не выдерживаю и говорю:

— Я работаю в этом магазине. Я тут оставила табличку, что я вернусь в 1:50, вы видите?

Девочка:

— Да, я вижу.

Я:

— Тогда с какой целью вы пытаетесь проникнуть в закрытый магазин и толкаете дверь?

Девочка:

— Я думала, уже 1:50.

«Наполеон не пахнет. Он — восковая скульптура. Пожалуйста, не нюхайте Наполеона. Нет, мне очень жаль, но Мария-Антуанетта тоже не пахнет».

Случайно выставила на витрину свечу «Кармелитка». Это проклятая свеча, потому что на ее этикетке написано «Древние мшистые стены». Менеджер бутика Селин специально спрятала ее в дощатый ящик и не показывает покупателям — свеча привлекает бездну ненужного, пустого, ложного внимания, которое никогда не ведет к ее покупке.

Чисто энергетически это страшно изматывает как свечу, так и ее зрителя — как правило, всякий человек, заходящий в магазин, видит этикетку свечи «Кармелитка» и лицо его становится заговорщицким и хитрым-хитрым, словно он сейчас выбросит из рукава, как пулеметную ленту, чугунную гирлянду из мотыльков, легкого бумажного голубя, переливчатую перламутровую требуху. Вот он крадется к свечке со взглядом «а что это тут у нас», приподнимает стеклянный колпачок-клош и триумфально читает этикетку восходящей интонацией:

— «Древние мшистые стееены»?

Нет, это трудно передать. Все люди произносят «Древние мшистые стены» с одной и той же интонацией, и она невыносима. Это интонация «я заметил что-то такое, чего ни один человек не замечал, но я-то особенный, я не такой, как все, поэтому я озвучу обнаруженное мною Особенным Голосом, который ненавязчиво подчеркнет избыточную значимость моей находки и моей персоны, а еще я хочу, чтобы мы с вами были как будто Заодно, ведь я заметил Странненькое и Необычное, да-да, уверен, никто этого даже в упор не видит!».

Повторим эту интонацию. На русском это близко к какому-нибудь запредельно идиотскому и нарочито сальному выражению вроде: «Дом грязных шлюх» — вот представьте, что человек видит свечку с таким названием и заговорщицки читает этикетку на весь магазин: дооом грязяязных шлююх!? оулд масси уоооолз!?

После этого он смотрит на меня с триумфом, чтобы я его похвалила. Хороший мальчик.

Если он не один, он говорит:

— Посмотри, Бетти, тут есть свечка оулд масси уоооолз, ты можешь себе такое представить?

— «Дрееевние мшистые стееены»? — говорит Бетти, приподнимая очки и ставя свой стаканчик с ледяным кофе прямо на нашу хрустальную полку для духов, на которую он тут же протекает ледяными подслащенными коричневыми струями. — Невероятно!

— Прикинь! Они вот прямо так назвали свечу! Дрееевние мшиистые стееены! Это так классно!

Я в такие моменты хочу лечь и умереть. Если в магазин заходит шесть человек в день (бывает и так), я слышу оулд масси уоллз шесть-восемь раз в день. Если заходит пятьдесят человек — слышу пятьдесят раз. Это изматывает, как если бы я таскала бревна. Полагаю, Селин это изматывает еще сильнее, поэтому она спрятала «Древние мшистые стены» в красный стенной шкаф (краааасный стенной шкаааааф!).

И вот как назло пришел покупатель, который изучил все свечки и загрустил:

— У вас же были еще «Древние мшистые стены»? Куда они пропали?

Я (мрачно достаю стены из шкафа).

— Вот они. Мы их убрали, потому что всякий раз, когда кто-то видит эту свечку, он...

Покупатель (триумфально орет):

— Дрееевние мшииистые стееены!

Я (мысленно):

— ...он делает именно это.

Покупатель:

— Вот она! Как же круто, что она до сих пор тут есть!

Эстер! Эстер!

(Выбегает на улицу, кричит.)

— Эстер! Ты где? Иди сюда! Тут то самое место, про которое я тебе рассказывал, где есть Та Свечка!

Эстер (в восторге, тоже кричит):

— Та самая? «Древние мшистые стены»?

Я (с тоской и надеждой):

— Вы ее будете покупать?

Покупатель:

— Нет, конечно. Я просто вспомнил, что у вас есть свечка «Древние мшистые стены», и я захотел показать ее по-другому, какое покупать, вы что, кому такое надо.

Я:

— Черт, я будто в кунсткамере работаю. Помните, был такой музей в Гованусе, Morbid Anatomy Museum? Я искала там работу, но он закрылся из-за плохого финансирования, а потом я пришла сюда. Но по сути я как будто бы все равно там. Я работаю в кунсткамере.

Покупатель:

— Нет, мы такое не знаем, еще чего.

Уходят.

Я (бегу к свечке, чтобы поскорей спрятать ее снова в шкаф, хватаю, иду с ней к шкафу).

В бутик внезапно врывается толпа веселых азиатов.

Веселые азиаты:

— А что это вы несете? Стоп. Покажите нам. Ой! «Древние мшистые стены»! Эй, ребята! Идите сюда! Тут свечка называется «Древние мшистые стены»!

(В бутик прибегает еще одна огромная веселая толпа. Все дружно трогают «Древние мшистые стены» и фотографируют этикетку. После этого я снова пытаюсь спрятать свечку в шкаф, но, как назло, появляются все новые и новые люди и устраивают вокруг нее фрик-шоу.)

Я не знаю, чем виновата свеча «Кармелитка» и что у нее с кармой. Возможно, в прошлой жизни она была